

Д. С. Бирюков

канд. филос. наук,
научный сотрудник Института
истории христианской мысли
при Русской христианской
гуманитарной академии;
научный руководитель
Научно-образовательного
центра проблем философии,
религии, культуры
при Санкт-Петербургском
государственном университете
аэрокосмического
приборостроения

УЧЕНИЕ О МАТЕРИИ У ВАСИЛИЯ КЕСАРИЙСКОГО И ГРИГОРИЯ НИССКОГО И ЕГО ИСТОКИ В АНТИЧНОЙ МЫСЛИ¹

Copyright © 2012, Д. С. Бирюков

В этой статье мы коснемся темы понимания материи в учении Каппадокийского кружка, где осмысление этой тематики послужило важной ступенью для формирования учения о материи в средне- и поздневизантийской мысли. Конкретно, мы затронем некоторые аспекты учения о материи у Василия Кесарийского и Григория Нисского.

Как представляется, речь о материальной сущности в творениях Василия Кесарийского двойка — он может говорить о ней в ракурсе как платонической, так и стоической традиций. Стоический дискурс просматривается в известном месте из «Против Евномия» Василия:

«Но кто из здравомыслящих согласился бы с той мыслью, что у тех, у кого имена (τὰ ὀνόματα) различны, с необходимостью также должны различаться и сущности (τὰς οὐσίας)? У Петра и Павла и вообще у всех людей названия (προσηγορίαί) суть разные, но сущность у всех одна. Поэтому мы во многом одинаковы друг с другом, но отличаемся один от другого только особенностями (τοῖς ἰδιώμασι), которые усматриваются в каждом. Посему и названия (αἱ προσηγορίαί) означают не сущности, а свойства (τῶν ἰδιότητων), характеризующие (χαρακτηρίζουσιν) каждого в отдельности. Так, услышав «Петр», мы не разумеем из этого имени сущности Петра (сущностью же называю здесь материальное подлежащее (τὸ ὑλικὸν ὑποκειμένον), которое имя вовсе не означает), а только запечатлеваем понятие об особенностях, в нем усматриваемых. Ведь тотчас при этом слове мыслим Петра, сына Ионина, из Вифсаиды, брата Андреева, из рыбаков призванного на апостольское служение [и] за превосходство веры принявшего на себя созидание Церкви. Ничто из этого не есть сущность, которая могла бы мыслиться как ипостась (ἡ ὑπόστασις). Таким образом, имя (τὸ ὄνομα) выделяет (ἀφορίζει) для нас характер (τὸν χαρακτήρα) Петра, но никоим образом не представляет его сущности. В свою очередь, услышав «Павел», помыслим схождение (συνδρομήν) других особенностей (ἰδιώματων) — тарсянина, еврея, фарисея согласно закону, ученика Гамалиила, из ревности гонителя Церквей Божиих, страшным видением об-

ращенного к познанию, апостола язычников. Ибо все это определяется одним словом — Павел. Впрочем, если это правда, что те, у кого различаются имена (τὰ ὀνόματα), имеют противоположные сущности, то надлежало бы и Петру, и Павлу, и вообще всем людям быть иносущными (ἑτερουσίους) друг другу. Но поскольку не найдется ни одного человека, который бы был настолько груб и несведущ об общей всем нам природе (τῆς κοινῆς φύσεως), чтобы решился сказать это, ибо сказано: «От брения сотворен еси ты, якоже и аз»², и эти слова означают не что иное, как единосущие (τὸ ὁμοούσιον) всех людей, — то лжет тот, кто умствует, будто из различия имен (τῶν ὀνομάτων) следует и различие сущности»³.

На присутствие дискурса стоической усиологии (учения о сущности) у Василия Кесарийского, насколько нам известно, впервые обратил внимание Р. Хюбнер, который отмечает, что для обоих онтологических порядков, различаемых Василием (для тварного и нетварного бытия), он использует стоическую модель в отношении сущности; в случае нетварного бытия — по аналогии с тварным⁴. Можно согласиться с Р. Хюбнером при той оговорке, что это лишь один из дискурсов усиологии у Василия⁵ наравне с аристотелевским⁶. Однако, по нашему убеждению, Хюбнер неправ, утверждая⁷, что этот субстрат, материальное подлежащее (τὸ ὑλικὸν ὑποκειμένον) для всех людей, упоминаемое Василием в обсуждаемом нами отрывке, соответствует «общему качеству» (κοινῶς ποιόν) стоиков, так как общее качество не могло рассматриваться стоиками в «родовом» отношении ни в каком смысле.

По всей видимости, Хюбнера сбили с толку слова Василия о том, что все люди сотворены «из брения», т. е. из глины, и именно эту глину Хюбнер ставит в соответствие с «общим качеством». Но Василий в данном случае просто цитирует книгу Иова, понимая глину метафорически — как то, что указывает на *бескачественное* первовещество, подлежащее оформлению, и вовсе не имеет в виду, что все люди состоят непосредственно из глины (это было бы нелепо), т. е. что глина реально присутствует в них как

некое общее для каждого качество. Когда Василий говорит о сущности как о материальном подлежащем, он опирается на одно из пониманий «сущности» в доктрине стоиков — в смысле бескачественного субстрата, оформляемого качествами⁸. Василию это было необходимо для того, чтобы по аналогии навести читателя на мысль о невыразимости в речи и непостижимости в мысли Божественной сущности — наподобие того, как невыразима и немыслима первома́терия в противовес явленности для мысли особенных качеств⁹. отождествление Василием в обсуждаемом отрывке понимаемой таким образом «сущности» и «ипостаси»¹⁰ говорит только о том, что святитель опровергает здесь тезис Евномия, используя его же терминологию¹¹.

Итак, можно утверждать, что Василий Кесарийский в трактате «Против Евномия» использует стоическую традицию, ведя речь о материи; конкретнее — онтологическо-физический ракурс традиции стоиков. В этом плане мысль Василия предполагает, что имеется материальный субстрат, составляющий общую сущность всех людей, так же как и всего тварного мира¹², и его оформляют свойства конкретных людей — Петра и Павла.

Далее, платоническая тема в плане понимания материи просматривается у Василия Кесарийского в широко обсуждаемом в научной литературе месте из «Бесед на Шестоднев», где он говорит о материальной сущности как подлежащем, составленном и исчерпываемом совокупностью умопредставляемых качеств:

«Разыскание о сущности всех сущих природ: и тех, что доступны нам в умозрении, и тех, что нам явлены в ощущении, — есть разговор предолгий и уводящий нас далеко за пределы нашего толкования... Тот же самый совет должны мы подать себе и тогда, когда речь пойдет о земле: не допытываться всеу, какова есть сущность (τὴν οὐσίαν) ее, и не тратить попусту время на то, чтобы с помощью рассуждений доискиваться до самого подлежащего (τὸ ὑποκείμενον) оной, и не тщиться найти некое естество, лишенное качеств, некое бескачественное (ἄποιον) в собственном смысле этого имени, но хорошо уразуметь, что все наблюдаемые в ней [качества] составляют логос ее бытия (τὸν τοῦ εἶναι λόγον), присутствуя в ней как то, что восполняет (συμπληρωτικά) собою ее сущность. Ибо, пытаясь усилием разума отнять у нее все наличествующие в ней качества, ты в конечном счете придешь к ничто (οὐδέν). Ведь если отложишь ты присущие ей черноту, хладность, тяжесть, плотность, ее вкус и все прочие качества, каковы бы в ней наблюдаем, то не останется ничего (οὐδέν), что служило бы их подлежащим»¹³.

Эта тема развивалась и братом Василия Кесарийского, Григорием Нисским, который в своем «Шестодневе»¹⁴, а также в сочинениях «О душе и воскресении»¹⁵ и «Об устройении человека»¹⁶, делает акцент на том, что материальная вещь слагается из умопостигаемых качеств, как бы из идей. А. Армстронг предположил¹⁷, что позиция Василия,

согласно которой материальное подлежащее есть совокупность качеств, была воспринята им в результате чтения «Энеад» Плотина, а именно — Василий заимствовал свою позицию у неизвестных платоников, толковавших Тимей. 52a8 и критикуемых Платином в трактате II 4¹⁸. Однако П. О'Клейри¹⁹ предположил (на наш взгляд, вполне убедительно), что Василий в данном случае отталкивается от идеи, высказанной в 4-й книге «О началах» Оригена²⁰. В любом случае, можно согласиться с Р. Сорабжи, что представление Василия о материальной сущности как подлежащем, составленном из совокупности умопостигаемых качеств, развитое Григорием в рамках его учения о том, что материя есть совокупность нематериальных идей, находится в русле платонической традиции²¹. Понимание же чувственной сущности в русле стоической традиции, о котором мы говорили выше, подразумевает как раз неисчерпаемость сущности качествами, ведь за вычетом умопостигаемых качеств остается определенный остаток, бескачественный субстрат, который невозможно ухватить умом и выразить в речи. Таким образом, в обсуждаемом фрагменте, как и в других местах «Против Евномия»²² Василия Кесарийского, мы находим понимание материальной сущности, основанное именно на стоической философской традиции, а не на платонической.

Этот вывод можно соотнести также с тем фактом²³, что Василий, в отличие от Григория Нисского, употребляет понятие «схождения» (συνδρομή) качеств, взятое в качестве философского *terminus technicus*, когда речь идет исключительно о человеческих индивидах, но не использует его в этом качестве в отношении неодушевленных материальных вещей. Однако если в рамках платонической традиции понятие «схождения», или «соборания», качеств употреблялось безразлично по отношению к человеческим индивидам или неодушевленным материальным предметам, то именно в рамках стоической философской традиции сформировалось представление о способе индивидуации через схождение свойств, применяемом только к человеческому индивиду²⁴. Таким образом, отмеченный факт также может свидетельствовать о стоическом фоне в плане специфики использования Василием данного понятия.

В свою очередь, то, что Григорий Нисский, говоря о схождении качеств, вполне в духе платонической традиции не различает человеческие индивиды и неодушевленные предметы, коррелирует с тем фактом, что склонный к платонизму Григорий, вероятно, не принял идей, воспринятых Василием из физическо-онтологической традиции стоического учения, а именно — акцент Василия на понимании тварной сущности как материального субстрата. Как показывает Д. Балас²⁵, Григорий в своем трактате «Опровержение Евномия», комментируя обсуждаемый в статье фрагмент, в противовес агенту Василия на понимании единосущия людей в плане общего подлежащего субстрата делает акцент на платоническом (с определенными оговорками) понимании единой человеческой природы как общей для всех родовых

сущности, имеющей бытие в индивидах. В то же время Григорий при *цитировании* обсуждаемого нами фрагмента Василия, дойдя до слов: «сущностью же называю здесь материальное подлежащее (οὐσίαν δὲ λέγω νῦν τὸ ὑλικὸν ὑποκειμενον)», приводит их в измененном виде: «сущностью же *не* называю здесь материальное подлежащее (οὐσίαν δὲ λέγω νῦν οὐ τὸ ὑλικὸν ὑποκειμενον)»²⁶. Д. Балас обращает особое внимание на этот факт, допуская, что Григорий здесь «подкорректировал» неудобный для его взглядов и для его полемики с Евномием пассаж из Василия.

Указанный подтекст стоической физики в обсуждаемом фрагменте из Василия не учитывается П. Каллигасом, возводящим философский background обсуждаемого фрагмента Василия к платонической традиции²⁷, что позволяет ему говорить о присутствии у Василия крайних номиналистических тенденций, сравнимых с номинализмом У. Оккама²⁸. Можно согласиться, что обсуждаемый дискурс Василия в определенном отношении номиналистичен как раз в оккамовском смысле — то есть в том смысле, что для его построения, подобно Оккаму, Василий не нуждается в выстраивании родовидовой иерархии. Однако акцент святителя на физическом реализме, связанный с использованием им стоической философской традиции, указывает на невозможность приписывать Василию номинализм в каком-либо ином, более нормативном смысле, когда полагается, что общим понятиям не соответствует объектов в реальности.

Примечания

- 1 Статья написана при поддержке Российского государственного научного фонда; проект № 13-33-01299, «Горизонты естествознания восточнохристианского средневековья».
- 2 Иов. 33, 6.
- 3 Василий Кесарийский. Против Евномия. II 4 // PG. 29b. Col. 577c — 580b; Basile de Césarée. Contre Eunome. T. 2. P., 1983. P. 18–22. (SC; 305).
- 4 Hübner R. Gregor von Nyssa als Verfasser der sog. Ep. 38 des Basiliius: Zum unterschiedlichen Verständnis der ousia bei den kappadokischen Brüdern // Epektasis: Mélanges patristiques offerts au cardinal Jean Daniélou / Eds. J. Fontaine, Ch. Kannengiesser. P., 1972. P. 478–481. На стоические элементы в усииологии Василия обращает внимание также Д. Балас, см.: Balas D. The Unity of Human Nature in Basil's and Gregory of Nyssa's Polemics against Eunomius // Studia Patristica. Vol. 14 (5). 1976. P. 279. Наиболее подробное обсуждение элементов стоического учения в усииологии Василия см. в статье Д. Робертсона: Robertson D. Stoic and Aristotelian Notions of Substance in Basil of Caesarea // Vigiliae Christianae. Vol. 52. 1998. P. 393–417, особенно: P. 396–406).
- 5 А. Шуфрин не соглашается с этим тезисом Хюбнера на том основании, что Василий отвергает делимость Божественной сущности (Против Евномия. I 19 // PG. 29b. Col. 556a; ср.: он же. Письмо. 361 // PG. 32. Col. 1101a), в то время как для сущности, понимаемой как субстрат, свойственна делимость (Шуфрин А. М. Развитие понятия «ипостась» у св. Василия Великого // Проблемы теологии. Вып. 3. Ч. 2. Екатеринбург, 2006. С. 13, прим. 2 (англ. оригинал статьи: Choufrine A. The Development of St. Basil's Idea of «Hypostasis» // Studi sull'Oriente Cristiano. Vol. 7 (2). 2003. P. 7–27)). На это можно возразить, что свойство делимости субстрата в понимании Василия в принципе не актуально для Божественной сущности, описываемой по аналогии с субстратом, поскольку первая берется именно по аналогии со вторым (что и отмечает Р. Хюбнер), и с определенными целями — дабы указать, что Божественная сущность непознаваема и невыразима в речи (см. ниже).
- 6 Формализация понятия сущности посредством использования аристотелевского дискурса проявилась в использовании Василием фундаментального для аристотелевской философии выражения «логос сущности» (λόγος τῆς οὐσίας), или «логос бытия» (τοῦ εἶναι) (Василий Кесарийский. Против Евномия. I 5, 19 // PG. 29b. Col. 520, 556), отражающее единство сущности Ипостасей Святой Троицы, в то время как для указания на особенность бытия каждой Ипостаси в «Против Евномия» Василием используется выражение τρόπος τῆς ὑράρξεως (Там же. I 15 // PG. 29b. Col. 548a), а в проповеди «Против Савелия, Ария и аномеев» — ставшее впоследствии общераспространенным в византийской богословской традиции выражение τρόπος τῆς ὑράρξεως (PG. 31. Col. 613a), которое, возможно, восходит к комментаторам логических сочинений Аристотеля. Обсуждение вопроса соотношения стоических и перипатетических элементов в усииологии Василия см. в: Robertson. Stoic and Aristotelian Notions...
- 7 Hübner. Gregor von Nyssa als Verfasser... S. 476.
- 8 См.: Stoicorum veterum fragmenta... Vol. I. Lpz., B., 1921. P. 110 (SVF I 493); Stoicorum veterum fragmenta... Vol. II. P. 114, 125–126 (SVF II 318, 374, 376, 380).
- 9 Ср.: «...Из сказанного видно, что и в Отце и Сыне имена не представляют сущности, а только являют особенные свойства, так что никак нельзя заключить от различия имен к противоположности сущности» (Василий Кесарийский. Против Евномия. II 5 // PG. 29b. Col. 580c). См. также: Там же. I 12–13, 15 // PG. 29b. Col. 540c — 541b, 548ab.
- 10 «...Ничто из этого не есть сущность, которая могла бы мыслиться как ипостась (ἡ ὑπόστασις)».
- 11 Ср. слова Евномия: «...Но то и есть сама ипостась (ὑπόστασις), что означает имя, называнием удостоверяя сущность» (Евномий. Апология XII. 9–10 // Eunomius. The Extant Works / Text and transl. by R. P. Vaggione. Oxf., 1987. P. 48). Используя в приведенном отрывке термин ὑπόστασις, Евномий следует характерной для арианского движения терминологии (берущей начало от Оригена), в рамках которой идет речь о трех Ипостасях Троицы (так что Ипостась Бога бесконечно превышает Христа, а Ипостась Христа бесконечно превышает Духа), см. соотв. место в «Талии» Ария, приведенное Афанасием Александрийским в: О соборах. 15 // PG. 26. Col. 708a. Из сказанного видно, что нет причины противопоставлять данное место Василия богословскому языку 38-го письма Григория Нисского, как это делает А. Шуфрин, который пишет: «...Хотя имена собственные [в 38-м письме. — Д. Б.] и не обозначают сущность (в этом вопросе автор письма согласен с Василием), они все же обозначают ипостаси (вопреки тому, что утверждает Василий)» (Шуфрин. Развитие понятия «ипостась»... С. 23). Василий в данном случае просто не использовал понятие «ипостаси» в техническом богословском значении, окончательно сформировавшемся несколько позднее, т. е. в том же значении, что и автор 38-го письма.
- 12 См.: Василий Кесарийский. Против Евномия II 24 // PG. 29b. Col. 628c, а также: Balas. The Unity of Human Nature... P. 278.
- 13 Василий Кесарийский. Беседы на Шестоднев. I. 8 // PG. 29b. Col. 20–21, пер. О. Нестеровой с изменениями: Василий Великий, Гомилии на Шестоднев // Символ. № 36. 1996. С. 201. Мнение И. Заххубера (Zachhuber J. Stoic Substance, Non-Existent Matter? Some Passages in Basil of Caesarea Reconsidered // Studia patristica. Vol. 41. 2006. P. 425–431), согласно которому Василий в приведенном фрагменте имеет в виду не то, что за отнятием всех качеств у материальной сущности земли остается «ничто», но что разыскание сущности земли есть ничтожное занятие, разумеется, следует признать несостоятельным.

- ¹⁴ «Слышим, иные говорят: “Если Бог не веществен; то откуда вещество? Как количественное от неколичественного, видимое от незримого, от не имеющего величины и определенного очертания непременно определяемое объемом и величиною?” ... Всемогуший же по премудрой и могущественной воле к совершенно существ положил основание в совокупности всему тому, из чего составляется вещество: легкость, тяжесть, плотность, скважность, мягкость, твердость, влажность, сухость, холодность, теплоту, цветность, образ, очертание, протяжение. Все сии свойства сами по себе — понятия и голые умопредставления. Ибо ни одно из них само по себе не есть вещество, но сходясь (συνδραμόντα) между собою, делаются они веществом» (Григорий Нисский. О Шестодневе // PG. 44. Col. 69b-c; пер. по: Творения святых Отцов в русском переводе. Т. 37. Кн. 1, с изменениями). Как видно из данного фрагмента, цель Григория — прояснить, как нематериальный Бог может являться причиной материального мира.
- ¹⁵ Он же. О душе и воскресении // PG. 46. Col. 124b — d.
- ¹⁶ «Например, когда предмет созерцания — животное, дерево или что-нибудь другое, имеющее вещественный состав, тогда мысленным различием мы уразумевает многое около подлежащего, и все это многое, созерцаемое вместе, имеет свой логос по отдельности и несмешанно... А тогда, коль скоро умное — цвет, умное — упругость, количество и все прочие такие особенности, и притом с отъятием каждого из них от подлежащего исчезнет вместе и весь логос тела, нужно делать вывод: то, в отсутствие чего мы находим причину исчезновения тела, собранное вместе, образует вещественную природу. Ведь как не существует тела, которому не присущи цвет, внешний вид, упругость, объем, тяжесть и все остальные особенности, каждая из которых не есть тело, но сама по себе оказывается чем-то отличным от тела, так и наоборот — через схождение вместе названного производится телесная ипостась» (Он же. Об устройении человека. 24 // PG. 44. Col. 212d — 213b; пер. В. М. Лурье с изменениями: Григорий Нисский. Об устройении человека / Пер., послесл. и прим. В. М. Лурье. СПб., 2000. С. 96–97).
- ¹⁷ Armstrong A. N. *The Theory of the Non-Existence of Matter in Plotinos and the Cappadocians* // *Studia patristica*. Vol. 5. 1962. P. 427. Также А. Армстронг указывает на это в своих комментариях к «Эннеадам» Плотина, см. в издании рус. перевода «Эннеад», сделанного Т. Сидашом, где использованы комментарии А. Армстронга, хотя это и не оговорено: Плотин. Вторая Эннеада. СПб., 2004. С. 213.
- ¹⁸ «... Не необходимо первым телам иметь материю, но каждое из них есть целое, причем в высшей степени разнообразное целое, так что каждое имеет свой состав, благодаря смешению множества эйдосов; поэтому [ваша] лишенная величины материя — пустой звук» (Плотин. Эннеады. II 4. 11. 10–13, пер. Т. Сидаша).
- ¹⁹ O’Cleirigh P. M. *Prime Matter in Origen’s World Picture* // *Studia patristica*. Vol. 16. 1985. P. 262–263.
- ²⁰ «Но некоторые, желая глубже исследовать этот вопрос, осмелились сказать, что телесная природа есть ни что иное, как качества. Ведь если [, говорят они.] твердость и мягкость, теплота и холод, влажность и сухость — качества, по отъятии же тех или иных качеств такого рода, разумеется, не остается никакой другой основы, то, очевидно, качества составляют все. Отсюда утверждающие это попытались доказать еще следующее: так как все, называющие материю несотворенною, признают качества [ее] сотворенными Богом, то, стало быть, и по их мнению материю нельзя считать несотворенною, потому что качества составляют все, а качества все беспрекословно признают сотворенными Богом» (Ориген. О началах. 4. 7 (34) // *Origène. Traité des principes*. T. 3 / *Introd., texte critique de la Philocalie et de la version de Rufin*, trad. par H. Crouzel et M. Simonetti. P., 1980. P. 416–418. (SC; 268); пер. Н. Петрова: Ориген. О началах. Новосибирск, 1993. С. 322). Из этого фрагмента видно, что Василий, заим-
- ствуя соответствующие идеи из текста «О началах» Оригена, полемизировал с представлением о несотворенности материи.
- ²¹ См.: Sorabji R. *Gregory of Nyssa: The Origins of Idealism* // *Idem. Time, Creation and the Continuum. Theories in Antiquity and the Early Middle Ages*. L., 1988. P. 292–293. В качестве аналога этих идей в платонической философии Р. Сорабжи указывает на «Эннеаду» Плотина (VI 3. 8) и на пересказ Симпликием идей Порфирия в Комментариях к аристотелевскую «Физику» (230.34–231.7). В целом, Р. Сорабжи соотносит соответствующее учение Каппадокийских отцов с идеалистической философской позицией Дж. Беркли.
- ²² Ср.: «Итак, какова же сущность земли, и каков способ постижения? <...> Постигаемое в земле чувством есть или цвет, или объем, или тяжесть, или легкость, или связность, или сыпучесть, или упорство, или мягкость, или холодность, или теплота, или качества во влагах, или различия в очертании. Но ничто из этого они [аномей] не могут назвать сущностью, хотя готовы все легко утверждать. <...> Они, не зная даже того, какова природа попираемой ими земли, хвалятся, что проникли в самую сущность Бога всяческих» (Василий Кесарийский. Против Евномия. I 12 // PG. 29b. Col. 540c, 541bc).
- ²³ Насколько мы можем судить, опираясь на результаты поиска по TLG.
- ²⁴ Напомним, что у Плотина тема «схождения» появляется в «Эннеадах» (VI 3. 8. 20, 26), где он говорит о том, что чувственная сущность есть скопление (συνφόρησις) или смесь (μίξις) качеств. Интенция, характерная для Плотина, когда он говорит о сущности как о соединении качеств, и вообще для всей платонической традиции, состоит в том, чтобы показать, что чувственная единичная сущность есть «как бы сущность» (это справедливо отмечает Дж. Рист, см.: Рист Дж. Плотин: путь к реальности. СПб., 2005. С. 122–123, 130), сущность не в собственном смысле слова, но лишь подражание истинной умопостигаемой сущности, см.: Плотин. Эннеады. VI 3. 8. 30–37. Ср. далее, когда Плотин переходит от речи о чувственной сущности вообще к речи о чувственной сущности человеческого индивида: «Поскольку есть логос, согласно которому есть Сократ, постольку чувственно воспринимаемого Сократа не должно называть Сократом, но это — цвета и краски, подражающие и представляющие здесь того, кто в логосе» (VI 3. 15. 32–36, пер. Т. Г. Сидаша с изменениями). У стоиков же, как справедливо замечает А. Ллойд (Lloyd A. *Grammar and Metaphysics in the Stoa* // *Problems in Stoicism*. L., 1971. P. 66), в соответствии со стоическим учением о категориях особое качество человека рассматривалось как сложная совокупность качеств (см.: Дексипп. Комментарий на «Категории». 30. 20–26 // Long, Sedley. *The Hellenistic Philosophers*. Vol. 2. P. 173–174 (LS 28J)).
- ²⁵ См.: Balas. *The Unity of Human Nature*. P. 278–279.
- ²⁶ Григорий Нисский. Опровержение Евномия III 5. 22. 7–8 // *Gregorii Nysseni opera* / Ed. W. Jaeger. Vol. 2. Leiden, 1960. P. 168.
- ²⁷ Kalligas P. *Basil of Caesarea on the Semantics of Proper Names* // *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources* / Ed. K. Ierodiakonou. Oxf., 2002. P. 46–47; такая же позиция представлена в статьях Л. Турческу, посвященных 38-му письму Григория Нисского, см.: Turcescu L. «Person» versus «Individual», and Other Modern Misreadings of Gregory of Nyssa // *Modern Theology*. Vol. 18 (4). 2002. P. 530; Idem. *The Concept of Divine Persons in Gregory of Nyssa’s to His Brothers Peter, on the Difference between Ousia and Hypostasis* // *Greek Orthodox Theological Review*. Vol. 42 (1–2). 1997. P. 74–77.
- ²⁸ «... Мы пришли к выводу, что Василий в своей попытке опровержения натуралистической теории имен Евномия развил онтологическую теорию, которую мы находим у Порфирия (но которая имеет корни в скептической Академии), до крайней номиналистической позиции в отношении семантики собственных имен — позиции, которая оставалась самым совершенным и самым соблазнительным вкладом в философскую мысль, по крайней мере, до времени Уильяма Оккама» (Kalligas. *Basil of Caesaria*... P. 47).